

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-1

К методологии исследования мирового развития в долгосрочной перспективе: тень прошлого или роль личности?

Александр Михайлович Либман

Доктор экономических наук, PhD (Economics), профессор восточно-европейской и российской политики

Берлинский Свободный университет

Garyastraße 55, 14195 Berlin, Germany

E-mail: alexander.libman@fu-berlin.de

ORCID: 0000-0001-8504-3007

ЦИТИРОВАНИЕ: Либман А.М. (2022). К методологии исследования мирового развития в долгосрочной перспективе: тень прошлого или роль личности? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 1. С. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-1

Статья поступила в редакцию 11.10.2021.

Исправленный текст представлен 05.11.2021.

АННОТАЦИЯ. В современных общественных науках исследователи, как правило, воздерживаются от долгосрочных прогнозов и попыток построения «больших теорий» глобальной динамики – в центре внимания ученых находятся конкретные (и достаточно узкие) эмпирические исследования. В некоторых случаях, однако же, такие исследования могут имплицитно стать основой для формулировки обобщенного представления о мировом развитии. В настоящей статье обсуждаются два направления таких исследований, бурно развивающиеся в последнее десятилетие: исследования структурной устойчивости (постулирующие, что исторические факторы оказывают воздействие на современное политическое, экономическое и социальное развитие, даже несмотря на кажущиеся

«исторические разрывы») и исследования личных характеристик политиков и бюрократов (утверждающие, что биография лиц, принимающих решения, способна повлиять на политическое развитие в не меньшей степени, чем структурные особенности общества). Выводы описываемых направлений во многом противоречат друг другу. В то же время исследовательская логика обоих подходов основана на схожих предпосылках. Оба направления используют количественные методы; выбор кейсов для исследования во многом определяется доступностью данных; в обоих случаях теоретическая основа исследований является относительно слабой; в обоих случаях избыток статей, подтверждающих выводы подходов, свидетельствует не только о потенциале исследовательских направле-

ний, но и о проблемах стимулов в научном сообществе. В настоящей работе рассматриваются основные результаты, преимущества и недостатки обоих подходов и обсуждается их потенциал для изучения перспектив долгосрочного мирового развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исследования структурной непрерывности, исследования личных характеристик политиков, прогнозирование, долгосрочное развитие, глобальная динамика.

Введение

Пандемия коронавируса в очередной раз продемонстрировала, сколь сложно строить убедительные прогнозы развития глобальной экономики и политики. Целый ряд факторов делает прогнозы – в особенности долгосрочные – спекулятивными. Во-первых, события с крайне низкой вероятностью и масштабным воздействием на социальную реальность, которые Н. Талеб называет «черными лебедями», в принципе не поддаются прогнозированию [Blyth, 2009]. Во-вторых, сложностью глобальных прогнозов остается упрощенное (или даже неверное) понимание политической и общественной динамики стран других культур или относительно закрытых обществ (например авторитарных режимов [Art, 2016; Barros, 2016])¹. Наконец, общественные науки в недостаточной степени учитывают роль ошибок и неверных оценок ситуации политическими игроками. Мировое развитие часто определяется практически непредсказуемыми (в том

числе и для самих акторов) просчетами в процессе принятия решений [Treisman, 2020], а также попытками игроков адаптироваться к дефициту информации [Jones, Epp, Baumgartner, 2019].

Развитие общественных наук в какой-то степени является адаптацией к этой непредсказуемости долгосрочного будущего. Если в XIX и даже в XX веках «большие теории» (*grand theories*), содержащие в себе телеологическую модель развития общества, были весьма распространены, на сегодняшний день их роль существенно снизилась². Гораздо чаще исследователи фокусируют свое внимание на конкретных, порой достаточно узких проблемах. И даже при изучении этих узких проблем тренды развития методологии часто заставляют ученых уделять меньше внимания прогнозированию. В количественных исследованиях начиная с 2010-х годов господствует подход, основанный на идентификации и тестировании причинно-следственных взаимосвязей между явлениями (*causal identification*). Логика использующихся при этом моделей противоположна логике моделей, которые можно было бы применять для прогнозирования этих явлений [Gelman, 2011; Gelman, Imbens, 2013; Cranmer, Desmarais, 2017]. Можно утверждать, что общественным наукам сегодня в целом гораздо интереснее *объяснить* те или иные явления, чем *предсказать* их [Verhagen, 2021]. Хотя в отдельных дисциплинах (в том числе в международных отношениях [Schneider, Gleditsch, Carey, 2011; Clayton, Gleditsch, 2014; The value..., 2018]) и существуют исследования, сосредоточенные

1 Распад СССР, ставший во многом неожиданным для западной советологии [Remington, 1992; Rutland, 1993; Seliktar, 2004], является ярким примером подобных проблем.

2 Если в социологии подобные «большие теории» время от времени по-прежнему появляются, то в экономике и политологии их роль практически сведена к нулю, хотя есть и отдельные исключения (например, «порядки открытого и закрытого доступа» (*limited access order, open access order*) Д. Норта, Б. Вейнгаста и Дж. Уоллиса [North, Wallis, Weingast, 2009] или работы Д. Асемоглу и Дж. Робинсона [Acemoglu, Robinson, 2012]), однако такие работы достаточно далеки от того, что составляет ежедневную исследовательскую практику большинства ученых.

на прогнозировании, их влияние остается ограниченным.

В этой ситуации особенно интересным является в какой-то степени неожиданный расцвет исследовательского направления, имплицитно содержащего в себе достаточно четкое представление о долгосрочном развитии мировых экономики и политики, а также экономики и политики отдельных стран – так называемых исследований структурной устойчивости (ИСУ, *persistence studies*) [Simpser, Slater, Wittenberg, 2018; Neundorff, Pop-Eleches, 2020; Voth, 2021; Abad, Maurer, 2021; Cioni, Federico, Vasta, 2021a; Cioni, Federico, Vasta, 2021b]. В основе своей эти исследования являются чисто эмпирическими. Типичная работа ИСУ документирует наличие корреляции между современными характеристиками (например, политическим поведением, экономическим развитием или качеством институтов) и характеристиками тех же стран (регионов, городов или обществ) десятки и сотни лет назад. Такое исследование не претендует на формулировку новой «большой теории» и даже на генерализацию полученных результатов за пределами конкретного кейса³. Однако в общем и целом ИСУ имплицитно содержат в себе недвусмысленный «универсальный» аргумент: представление о *гораздо большей устойчивости общественных, политических и экономических структур, чем это может казаться на первый взгляд*.

Одновременно в политологии и в политической экономике развивается и другое направление исследований, основанное на противоположных предположениях, – изучение влияния *личных*

характеристик политиков и бюрократов на принимаемые ими решения. В отличие от структурных подходов, утверждающих, что качество политики определяется «правилами игры» (формальными и неформальными), к которым игроки вынуждены адаптироваться, в исследованиях личных характеристик (ИЛХ) результаты развития тех или иных стран и регионов определяются *качеством политиков*: их образованием, профессиональным опытом или другими характеристиками. Опять же речь идет не об универсальной теории, а о (постоянно растущем) наборе эмпирических исследований. Однако и это направление содержит в себе потенциально универсальный аргумент: *политическое и экономическое развитие можно предсказать, если основное внимание уделить тому, кто именно принимает решения*.

Оба направления основаны на использовании эконометрических моделей и появились в силу растущей доступности данных для количественных исследований. Для ИСУ основным преимуществом стала систематизация и дигитализация исторических данных, позволяющих оценить корреляцию исторических и современных характеристик. Для ИЛХ основным преимуществом стала доступность биографий политических игроков, на основе которых может быть подготовлена база данных для анализа. В обоих случаях можно говорить о постоянно растущем массиве научных результатов. Настоящая статья посвящена основным преимуществам и проблемам обоих подходов и выводам, которые (имплицитно) следуют из них для изучения динамики мирового развития.

3 Большинство исследований посвящено конкретным странам, регионам или социальным группам.

Исследования структурной устойчивости

Аргумент

Само по себе представление о том, что прошлое так или иначе влияет на современное развитие экономики и политики, естественно, не является новым – в каком-то смысле подобные идеи устойчивых «исторических наследий» присутствуют в общественных науках с момента их возникновения. Среди относительно современных примеров можно привести литературу, посвященную зависимости от колеи развития (*path dependence*) [Нуреев, Латов, 2006], или «исторический институционализм» в политологии и социологии [Oxford..., 2016]. Однако ИСУ идут гораздо дальше, чем стандартные аргументы о «значимости» истории.

В центре внимания ИСУ находится «выживание» общественных институтов, практик и норм даже после прохождения *исторического разрыва* (*historical discontinuity*) [Wittenberg, 2015], «смены эпох», когда, казалось бы, институты прошлого должны были потерять всякое влияние. Иначе говоря, даже в ситуациях, когда, как представляется наблюдателям, предшествующий общественный порядок прекратил свое существование (в результате войн, революций или массовых миграций), ИСУ предполагают сохранение своего рода «глубинной» непрерывности общественных феноменов, постоянно воспроизводящих себя характеристик обществ и государств. При этом речь не идет о «культурном детерминизме» – «выживающие» с течением времени факторы не обязательно связаны с такими фундаментальными факторами, как культура или религия.

В ИСУ «исчезающие реальности» общественных и политических феноменов «выживают» на протяжении гораздо большего периода времени, чем это ранее представлялось ученым (а также самим участникам процессов, порой не осознающим, что они воспроизводят образцы поведения, существовавшие в прошлом).

Приведем несколько примеров подобной структурной устойчивости⁴. Границы распавшихся столетие назад европейских континентальных империй до сих пор определяют степень доверия к государственным институтам [Grosjean, 2011a; The empire..., 2016], межличностное доверие [Karaja, Rubin, 2017], развитие финансовых институтов [Grosjean, 2011b; Walker, 2020], коррупцию [Uberti, 2018] и электоральное поведение [Grosfeld, Zhuravskaya, 2015] в Восточной Европе. Границы уничтоженных колониальными империями исторических государств в Африке оказывают влияние на экономическое и социальное развитие современных африканских государств [Wilfahrt, 2018; Paine, 2019; Michalopoulos, Papaioannou, 2020]⁵. Региональное распределение еврейских погромов в нацистской Германии коррелируется с еврейскими погромами в средневековых городах шестью столетиями раньше [Voigtländer, Voth, 2012]. Политический плюрализм в регионах современной Индии коррелируется с распространением христианского миссионерства в колониальный период [Lankina, Getachew, 2012; Lankina, Getachew, 2013; Calvi, Hoen-Velasco, Mantovanelli, 2015]. Голосование на выборах в России на уровне районов коррелируется с долей отдельных сословных групп на этих территориях в конце XIX в. [Lankina, Libman, 2021];

4 Детальный обзор различных направлений существующей литературы приводится в [The long economic..., 2017].

5 Доколониальное прошлое влияет и на динамику современного развития в Латинской Америке [Barsanetti, 2021].

распространенность крепостного права в XIX в. также до сих пор оказывает воздействие на экономическое развитие регионов России [Bugge, Nafziger, 2021]. Японское колониальное господство в отдельных регионах Китая коррелируется с современным экономическим развитием [Mattingly, 2017]. Электоральное поведение в современной Германии коррелируется с гибелью населения в ходе средневековой пандемии «черной смерти» [Gingerich, Vogler, 2021] и близостью к «лагерям смерти» нацистского периода [Homola, Pereira, Tavits, 2020].

В ИСУ существуют и работы, описывающие факторы более «глубокого» прошлого. Например, использование плуга в сельском хозяйстве в позднем неолите оказывает влияние на распространенные в современном обществе гендерные нормы [Alesina, Giuliano, Nunn, 2011; Alesina, Giuliano, Nunn, 2013; Hansen, Jensen, Skovsgaard, 2015]. Территории Германии, входившие полтора тысячелетия назад в состав Римской империи, характеризуются более высоким уровнем экономического развития [Wahl, 2017; The deep imprint..., 2020]⁶. Процесс расселения человечества из Африки (где зародился вид *homo sapiens*) до сих пор влияет на политическую динамику и конфликты в различных частях мира [Ashraf, Galor, 2013; Vu, 2021]⁷.

Хотя большинство ИСУ и концентрируется на относительно ограниченных и специфических исследовательских кейсах, есть и примеры работ, претендующих на более широкий территориальный охват. Так, исследования [Charron, Lapuente, 2013] и [Tabellini, 2010]

представляют собой попытку объяснить вариацию качества государственного управления и экономического развития регионов Европы. В первом исследовании показывается, что консолидаций неформальных сетей патрон-клиентских отношений в европейских регионах в XVII–XIX вв. является фактором, устойчиво сдерживающим динамику их развития, – своего рода «точкой расхождения» в политической динамике. Неформальные сети, в свою очередь, являются продуктом ограничений исполнительной власти в регионах Европы этого периода. Иначе говоря, ранняя демократизация определяет современное развитие. Для исследования [Tabellini, 2010] политические институты прошлого и уровень образования, достигнутые к концу XIX в., также являются определяющими факторами качества институтов в регионах современной Европы; механизмом влияния «прошлого» на «настоящее» является воздействие на культуру и ценности населения. Иначе говоря, относительный успех раннего развития является долгосрочным преимуществом (за пределами Европы, кстати сказать, этот вывод подтверждается далеко не всегда – его альтернативой является логика «*reversal of fortune*» [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2002; Hariri, 2012; Chlouba, Smith, Wagner, 2021], предполагающая, что как раз относительно более развитые территории на раннем этапе со временем оказываются в числе отстающих – в силу неспособности воспринять новые практики и институты).

Устойчивость сложившихся структур в ИСУ определяется четырьмя механизмами:

6 Подчеркнем, что речь идет о статистических исследованиях, выводы которых справедливы в среднем: хотя к северу от Лимеса в Германии, конечно, есть развитые регионы, средний регион на севере менее развит, чем на юге.

7 В данном случае механизм устойчивости эффектов отличается от постулирующегося в большинстве исследований и связан со степенью генетического разнообразия населения.

Ценности и предпочтения передаются из поколения в поколение за счет социализации, прежде всего в семье. Родители, как правило, стремятся, чтобы дети унаследовали их ценности и образцы поведения [Bisin, Verdier, 2001]. Даже в ситуациях, когда те или иные формы поведения отвергаются государством или преследуются, они все равно могут выжить в семье [Greif, Tadelis, 2010].

Равновесные состояния экономики и общества являются достаточно устойчивыми к внешним шокам. Базовой для понимания этого механизма является логика так называемых *комплементарных институтов* – отдельные институты и общественные практики функционируют лишь «в связке» с другими институтами, так что изменения, затрагивающие лишь отдельные компоненты общественного порядка, с неизбежностью ведут к восстановлению всех остальных [Hall, Soskice, 2003].

Уже упомянутая зависимость от колей развития (*path dependence*) предполагает, что то или иное решение, принятое в определенный момент времени, «сужает» доступный в будущем спектр вариантов институционального развития, так что даже кажущиеся «разрывы» на самом деле происходят лишь в пределах, уже определенных институциональной колеей.

Современные политики «учатся» на опыте прошлого и таким образом «воспроизводят» удачные образцы поведения (впрочем, «неудачные» образцы также воспроизводятся).

ИСУ, таким образом, в каком-то смысле дают ответ на вопрос о непредсказуемости будущего: наиболее точным прогнозом является утверждение о неизменности существующего ста-

тус-кво. Например, ошибки и просчеты политиков, упоминавшиеся во введении в статью, могут привести к краткосрочным изменениям политической системы, например падению авторитарного режима и демократизации политических институтов, но в конечном счете авторитаризм обязательно «возродится» в той или иной форме, если общество к нему «предрасположено»⁸.

Критика

ИСУ в каком-то смысле идеально соответствуют одному из главных критериев науки – способности генерировать по-настоящему неожиданные и нетривиальные результаты. Действительно, представление о том, что современная экономика Германии во многом определяется структурами, сложившимися еще во времена Римской империи, едва ли кому-то придет в голову до того, как он прочитает соответствующее исследование. В то же время целый ряд выводов ИСУ может не вызывать вопросов.

Главная содержательная проблема ИСУ может быть сформулирована следующим образом. С одной стороны, ИСУ не содержат четкого определения своей основной категории – «исторического наследия». Очевидно, что речь идет о феномене, расположенном на исторической шкале «до» исторического разрыва (например, социальной структуре Российской империи до революции или практиках традиционного земледелия). Однако сколь глубоко в прошлое необходимо погрузиться, чтобы определить исходный момент, с которого началось то устойчивое развитие, которое документируют исследователи? В исследовательской практике ответ на этот вопрос дается

8 Во многих случаях даже изменение конфигурации национальных границ не способно изменить неформальные институциональные среды.

во многом эмпирически в зависимости от доступности данных. Если в руках ученого находится, скажем, архив XVIII в., то и исследовать он будет «наследия XVIII века». Однако для корректной интерпретации результатов желательно было бы сформулировать *теоретический аргумент*, определяющий необходимую «глубину» исторического анализа⁹.

С другой стороны, в ИСУ практически нет работ, документирующих отсутствие эффектов «прошлого». Это не может не вызывать удивления: хотя бы в отдельных ситуациях исследователи должны были бы натолкнуться на *отсутствие корреляции* между историческими и современными характеристиками. Более того, такие ситуации должны были бы быть запрограммированы самой логикой подхода. ИСУ утверждают, что некоторые исторические разрывы являются лишь поверхностными, не меняющими глубинной сущности явлений. Это означает, что если мы будем рассматривать влияние тех или иных исторических событий или явлений, произошедших уже *после* того, как общества встали на устойчивую колею развития, они *не* должны были бы оказывать влияние на современную политическую и общественную динамику. Например, если развитие восточно-европейских государств целиком и полностью определяется их историей до эпохи «реального социализма», сам реальный социализм не должен был оказывать никакого влияния на современную политику и экономику. Между тем есть немало работ, подтверждающих и существование «социалистического наследия», и на-

следия досоциалистических институтов и практик [Pop-Eleches, 2007].

Поэтому возникают сомнения, в какой степени ИСУ соответствуют попперовскому критерию фальсификации. Обнаружив отсутствие исторической корреляции, исследователи всегда могут утверждать, что на самом деле «прошлое» все равно оказывает воздействие на настоящее – просто-напросто ученые должны обратиться к более «глубокому прошлому». А «глубина» прошлого, в свою очередь, является произвольной – никаких критериев в этом отношении не существует. Более того, непонятно, сколь часто исследователи в реальности сталкиваются с ситуациями «отсутствия» исторической взаимосвязи. Научные журналы крайне неохотно публикуют статьи, в которых отсутствуют значимые корреляции («*publication bias*»), поэтому огромное число работ, в которых исторические корреляции не были обнаружены, скорее всего, остаются «в столах» у исследователей. Для ИСУ эта проблема может быть особенно острой: действительно, легко представить себе журнал, заинтересованный в публикации статьи о длительной «тени», которую неолитические практики земледелия «отбрасывают» на современные общественные институты (в силу оригинальности полученных выводов), но статья, показывающая противоположный результат (неолитические практики *не* оказывают никакого эффекта), никого не заинтересует – ее выводы сочтут самоочевидными. Возможно, многочисленные примеры устойчивости исторических явлений в описанной нами литературе представляют собой скорее исклю-

⁹ Существуют отдельные исключения: так, в работе [Darden, Grzymala-Busse, 2006] «точкой отсчета», как минимум в Восточной Европе, является распространение массового школьного образования, считающееся основой появления современных наций. Начиная с этого момента нормы и ценности населения становятся стабильными и неизменными. Данный вывод опирается на обширную теоретическую литературу о формировании наций, получившую развитие в политологии, социологии и истории.

чения, чем правило – это не ставит под вопрос отдельные исследования, но заставляет нас переосмыслить общие выводы, следующие из них.

Помимо этой принципиальной проблемы, ИСУ сталкиваются с целым рядом других сложностей. Во-первых, применяющаяся в них эконометрическая методология подвергается критике или как минимум рассматривается как нуждающаяся в определенных коррективах [Kelly, 2019; Casey, Klemp, 2021; Bisin, Moro, 2021]. Во-вторых, интерпретация исторических переменных также далеко не всегда является убедительной. В каком-то смысле логика ИСУ прямо противоположна логике исторических исследований – если историки стремятся получить максимально достоверную картину той или иной эпохи за счет узкой специализации, ИСУ выстраивают «широкую» картину, включая в свой анализ события нескольких эпох – и при этом часто интерпретируют прошлое исходя из упрощенных современных представлений (к тому же экономисты и политологи, в основном занимающиеся ИСУ, не всегда в достаточной степени осведомлены о достижениях исторической науки или даже корректно понимают особенности исторического исследовательского метода)¹⁰. В-третьих, механизмы устойчивости исторических эффектов чаще постулируются, чем тестируются эмпирически (для таких тестов часто не хватает данных). В-четвертых, схожесть политических и институциональных практик «прошлого» и «настоящего» может определяться не столько генетической связью

этих практик, сколько схожей реакцией на одинаковые условия. Например, при определенных условиях бюрократия с неизбежностью становится коррумпированной; политические режимы используют сходные стратегии выживания для ответа на схожие вызовы и т.д. В этой ситуации мы можем наблюдать корреляцию исторических и современных явлений, но она не будет отражением причинно-следственных взаимосвязей. А следовательно, и представление об абсолютной неизменности общества окажется неверным¹¹.

Исследования личных характеристик

Аргумент

Как и в случае с ИСУ, аргумент данной литературы не является принципиально новым: дискуссия о соотношении роли индивидуальных характеристик и институтов и структур (*agency vs. structure*) является неотъемлемым атрибутом общественных наук с момента их возникновения [Sibeon, 1999]. Помимо этого, личные характеристики политиков (пусть и несколько другие, чем в ИЛХ) находятся в центре внимания политической психологии [Lewis, Lefevre, Bates, 2012; Arana Araya, 2021]. Заслуживает упоминания и «биографический метод» Чикагской социологической школы, который, однако, в отличие от ИЛХ, связан с социальным конструктивизмом и интерпретативной социологией – ИЛХ опираются на количественные методы и относятся к позитивистским направлениям

¹⁰ Пример такой критики – обвинение в так называемом сжатии истории (*compression of history*), когда игнорируется то обстоятельство, что «историческое» явление на самом деле сильно менялось на протяжении своего развития [Austin, 2008] – та же Габсбургская империя в XVII–XIX вв. была основана на разных институтах управления, так что говорить о едином «наследии Австро-Венгрии» было бы серьезным упрощением.

¹¹ Различного рода системные подходы к обществу исходят из того, что его структура всегда следует определенной логике, в которой те или иные подсистемы выполняют определенные функции, и эта структура всегда воспроизводится во времени.

общественных наук. Главной особенностью ИЛХ является попытка получить *систематические данные* о взаимосвязи тех или иных характеристик политиков и принимаемых ими решений. Иначе говоря, акцент на личные характеристики не ведет к представлению об абсолютной уникальности каждой политической конфигурации – напротив, исследователи полагают, что существуют устойчивые закономерности взаимосвязи личных характеристик и реализуемой политики.

ИЛХ ведет к нормативному разрыву со значительной частью существовавшей ранее политологической (и особенно экономической) литературы. В экономической науке теория общественного выбора (*public choice*) стала основой представления об эгоистичном поведении политиков, заинтересованных лишь в максимизации собственных власти и доходов и «ограниченных» теми или иными общественными институтами. В политологии, где теория рационального выбора также получила широкое распространение, качество институтов оценивается с точки зрения их способности «канализировать» поведение политиков в соответствии с теми или иными целями общества. ИЛХ, напротив, утверждают, что вполне возможно отличить «хороших» политиков от «плохих»; и именно действия первых, и являются залогом успешного общественного развития.

Поскольку речь идет о количественных исследованиях, в центре внимания данного направления оказываются биографические характеристики политиков и бюрократов, которые могут быть так или иначе оценены эмпирически и сведены к количественным показателям. В их число входят уровень и тип образования политиков [Göhlmann, Vaubel, 2007; Besley, Montalvo, Reyonal-Querol, 2011; Spilimbergo, 2009; Gift, Krcmaric, 2017; Minasyan, 2018; Barcelo,

2020; Meriläinen, 2020], профессиональное прошлое [The impact..., 2009; Moesinger, 2014; Peveri, 2021] социальное происхождение [Hayo, Neumeier, 2014; Hayo, Neumeier, 2015; Hayo, Neumeier, 2016], знание территории или региона, находящегося под управлением лидера [Schultz, Libman, 2015; Sharafutdinova, Steinbuks, 2017], опыт военной службы [Horowitz, Stam, 2014; Stadelmann, Portmann, Eichenberger, 2015], опыт эмиграции [Mercier, 2016] и, конечно, гендерные различия.

ИЛХ позволяют сформировать достаточно детальную картину влияния биографий политиков на принимаемые ими решения. Так, опыт военной службы делает политиков более благосклонными к увеличению военного бюджета и принятию законодательных норм, благоприятствующих Вооруженным силам – однако склонность политиков инициировать военные конфликты зависит не только от самого по себе опыта пребывания в армии, но и от реального участия в боевых действиях. Обучение за рубежом и опыт эмиграции содействуют демократизации страны; в то же время политики, значительную часть своей карьеры проводившие в регионе, находящемся под их управлением, более успешны в применении неструктурированного знания о региональных особенностях (*local knowledge*), что повышает качество принимаемых ими решений. Политики с более высоким уровнем образования в большей степени содействуют экономическому росту. В то же время политики с дипломами экономистов более склонны к коррупции, чем политики без экономического образования (этот вывод связывают с общей склонностью экономистов к эгоистичному поведению, соответствующему теоретическим предпосылкам их дисциплины) [Ruske, 2015]. Таким образом, ИЛХ в какой-то степени позволяют приоткрыть «черный ящик»

непредсказуемости политики: личные характеристики тех, кто принимает решения, позволяют объяснить различия в функционировании государств и обществ, характеризующихся схожими или одинаковыми институтами.

Как и в случае с ИСУ, некоторые исследования ИЛХ напрямую содержат утверждения относительно долгосрочного развития (хотя и основанные на специфических выборках). Так, в работе [Johnes, Olken, 2005], где исследуется выборка из 130 стран за послевоенный период, показывается, что смена политических лидеров ведет к значимым изменениям динамики экономического роста – даже при неизменной институциональной среде. Этот эффект является особенно сильным в авторитарных странах – демократические институты в большей степени «ограничивают» лидеров, обеспечивая преемственность экономической политики. Схожий вывод приводится в статье [Carreri, 2021], где показывается, что «качество» политиков влияет на принимаемые ими решения только при низком качестве институтов – высокое качество институтов делает персональные характеристики политика незначимыми. В работе [Berry, Fowler, 2021], где используется уточненная методология исследования проблематики, приводятся схожие выводы: политические лидеры оказывают существенное влияние на развитие, особенно в недемократических государствах¹².

Критика

Проблемы ИЛХ отчасти напоминают проблемы ИСУ. Если в ИСУ мы имели дело с бесчисленным множеством исторических событий, потенциально способных «отбросить тень» на на-

стоящее, то в ИЛХ речь идет о бесчисленных особенностях биографии, каждое из которых так или иначе может повлиять на жизненный путь и предпочтения политика. В отношении некоторых из них исследователи могут опираться на относительно хорошо разработанные теории; для других характеристик теоретическая база исследования является более слабой. Заранее определить, какие именно характеристики биографии следует исследовать, достаточно сложно. Более того, биографические характеристики связаны между собой. Например, выбор карьеры так или иначе связан с образованием; выбор образования может быть связан с социальным происхождением; социальное происхождение влияет на место жительства до начала политической карьеры. Соответственно, непонятно, где находится «отправная точка» для исследования, а в каком случае исследуемая характеристика на самом деле является лишь «отражением» каких-то других особенностей (например, психологических характеристик), которые в исследовании не рассматриваются.

Еще одна проблема связана с количественным измерением биографических характеристик. Оно с неизбежностью связано с упрощенными допущениями (особенно при попытках трансграничного сопоставления). Так, уже приведенный выше пример «коррумпированного» экономического образования исходит из определенного содержания последнего, а в различных странах содержание обучения дипломированных экономистов часто весьма различается. Предпринимательский опыт или опыт научной карьеры также различаются в зависимости от условий той или иной страны. Целый ряд важных

12 В работе [Smith, Gray, 2021] предпринимается попытка использовать аналогичные методы для анализа исторических данных, вплоть до периода Римской империи.

характеристик мы можем измерить лишь с использованием косвенных показателей (например, знание того или иного региона, скорее всего, коррелируется с длительностью проживания в этом регионе – однако эта взаимосвязь не является однозначной), а целый ряд ключевых характеристик не можем измерить вообще (речь идет о большинстве психологических характеристик или, скажем, об идеологических предпочтениях – единственным источником информации о последних являются утверждения самих политиков, которые, естественно, могут быть искажены).

Наконец, как мы уже упоминали ранее, главная проблема предсказаний политических решений – склонность людей совершать ошибки или действовать на основе неверной информации. Между тем именно эту склонность определить с использованием биографических характеристик крайне сложно. Возможно, те или иные особенности биографии повышают *вероятность* совершения ошибок; однако в политике во многих случаях достаточно *одной-единственной* ошибки, чтобы привести к катастрофическим последствиям. ИЛХ не позволяют, таким образом, полностью снять «вуаль неопределенности», за которой скрываются действия политических игроков.

Заключение

Два рассмотренных в этой статье направления исследований во многом похожи друг на друга по своей внутренней логике. В обоих случаях речь идет об исследовательских направлениях, развивающихся преимущественно за счет растущего числа отдельных эмпирических исследований, лишь отчасти согласующихся друг с другом. В обоих случаях главной проблемой

исследователей является поиск «пределов» применимости подхода – определение конкретного спектра ситуаций, когда характеристики политика (а не особенности политической системы) влияют на качество решений (в отличие от ситуаций, когда личность политика по большому счету не важна и все решения определяются системными характеристиками), и когда «настоящее» является лишь «проекцией» прошлого (в отличие от ситуаций, когда исторические разрывы действительно являются таковыми).

В то же время содержательные выводы подходов являются прямо противоположными. ИСУ исходят из того, что общественная динамика в долгосрочном плане является неизменной, поэтому кажущимся «непредвиденным событиям» не стоит предавать особого значения. ИЛХ предполагают, что мировое развитие и динамика эволюции отдельных стран во многом зависят от того, *кто именно* окажется на позициях, позволяющих принимать решения; однако поведение политиков и бюрократов подчиняется общим закономерностям и, в частности, может быть предсказано на основе наблюдаемых характеристик их биографий (например, образования). Иначе говоря, ИСУ исходят из *большой стабильности* общественных процессов, чем это представляется наблюдателям; ИЛХ исходят из *меньшей стабильности*, порой определяющейся сменой конкретных политиков и их коалиций во власти. Оба подхода оставляют вне внимания исследователей по-настоящему непредсказуемые события («черных лебедей»), но с последними общественным наукам дело иметь особенно сложно.

К выводам обоих подходов следует относиться с осторожностью. Так, обращает на себя внимание, что в нашей статье цитируется огромное число ис-

следований, подтверждающих выводы ИСУ и ИЛХ, и в то же время практически отсутствуют примеры, эти исследования опровергающие. Это связано со структурными проблемами как в организации исследовательских направлений, так и в практике научных публикаций – работы, в которых корреляцию политики и структурных характеристик (или личных характеристик политиков) выявить не удалось, скорее всего, просто-напросто не были опубликованы. В то же время оба направления исследований показывают, как из сугубо прикладных направлений исследований, не претендующих на долгосрочные прогнозы на макроуровне (и полностью соответствующих стандартам современного научного сообщества, крайне осторожно относящегося к «большим теориям»), могут со временем развиться «универсальные» подходы, которые могут использоваться для характеристики мирового развития в целом.

Подавляющее большинство обсуждающихся в этой статье исследований были опубликованы на английском языке. В то же время российские экономисты и политологи внесли немалый вклад в исследование этой тематики (хотя их работы и были опубликованы за рубежом)¹³. Еще важнее то обстоятельство, что базовые идеи ИСУ и ИЛХ регулярно встречаются в работах российских ученых: достаточно привести пример дискуссии об «эффекте колеи» в российской истории, являющегося, наверное, одним из наиболее устойчивых сюжетов в российских общественных и гуманитарных науках, или обсуждение роли «личного фактора» в российских реформах и трансформациях последних десятилетий. В большинстве

своем эти исследования пользуются качественными, а не количественными методами, поэтому количественные по своей природе ИСУ и ИЛХ могли бы сыграть роль комплементарных направлений, обогащающих выводы активно ведущихся в российских общественных науках дискуссий.

Список литературы

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Что такое path dependence и как ее изучают российские экономисты // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 2. – С. 118–130.

Abad L.A., Maurer N. History never really says goodbye : A critical review of the persistence literature // *Journal of Historical Political Economy*. – 2021. – Vol. 1, N 1. – P. 31–68. – DOI: 10.1561/115.000000002.

Acemoglu D., Robinson J. Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty. – New York : Crown Business, 2012. – 544 p.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution // *Quarterly Journal of Economics*. – 2002. – Vol. 117, N 4. – P. 1231–1294. – DOI: 10.1162/003355302320935025.

Alesina A., Giuliano P., Nunn N. Fertility and the plough // *American Economic Review*. – 2011. – Vol. 101, N 3. – P. 499–503. – DOI: 10.1257/aer.101.3.499.

Alesina A., Giuliano P., Nunn N. On the origins of gender roles: Women and the plough // *Quarterly Journal of Economics*. – 2013. – Vol. 128, N 2. – P. 469–530. – DOI: 10.1093/qje/qjt005.

¹³ Так, ИСУ входят в число основных исследовательских направлений Международного центра изучения институтов и развития НИУ ВШЭ (<https://iims.hse.ru/csld/projects>).

Arana Araya I. The personalities of presidents as independent variables // *Political Psychology*. – 2021. – Vol. 42, N 4. – P. 695–712. – DOI: 10.1111/pops.12722.

Art D. Archivists and adventurers: Research strategies for authoritarian regimes of the past and present // *Social Science Quarterly*. – 2016. – Vol. 97, N 4. – P. 974–990. – DOI: 10.1111/ssqu.12348.

Ashraf Q., Galor O. The 'Out of Africa' hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development // *American Economic Review*. – 2013. – Vol. 103, N 1. – P. 1–46. – DOI: 10.1257/aer.103.1.1.

Austin G. The 'reversal of fortune' thesis and the compression of history: perspectives from African and comparative economic history // *Journal of International Development*. – 2008. – Vol. 20, N 8. – P. 996–1027. – DOI: 10.1002/jid.1510.

Barceló J. Are Western-educated leaders less prone to initiate militarized disputes? // *British Journal of Political Science*. – 2018. – Vol. 50, N 2. – P. 535–566. – DOI: 10.1017/S0007123417000527.

Barros R. On the outside looking in: Secrecy and the study of authoritarian regimes // *Social Science Quarterly*. – 2016. – Vol. 97, N 4. – P. 953–973. – DOI: 10.1111/ssqu.12350.

Barsanetti B. Cities on pre-Columbian paths // *Journal of Urban Economics*. – 2021. – Vol. 122, March. – DOI: 10.1016/j.jue.2020.103317.

Berry C.R., Fowler A. Leadership or luck? Randomization inference for leader effects in politics, business, and sports // *Science Advances*. – 2021. – Vol. 7, N 4. – DOI: 10.1126/sciadv.abe3404.

Besley T., Montalvo J. G., Reynal-Querol M. Do educated leaders matter? // *Economic Journal*. – 2011. – Vol. 121, issue 554 (August). – P. F205–227. – DOI: 10.1111/j.1468-0297.2011.02448.x.

Bisin A., Moro A. LATE for History // *The Handbook of Historical Economics* / Ed. by A. Bisin, G. Federico. – S. l.: Elsevier, 2021. – P. 269–297.

Bisin A., Verdier T. The economics of cultural transmission and the dynamics of preferences // *Journal of Economic Theory*. – 2001. – Vol. 97, N 2. – P. 298–319. – DOI: 10.1006/jeth.2000.2678.

Blyth M. Coping with the black swan: The unsettling world of Nassim Taleb // *Critical Review*. – 2009. – Vol. 21, N 4. – P. 447–465. – DOI: 10.1080/08913810903441385.

Buggle, J.C., Nafziger S. The slow road from serfdom: labor coercion and long-run development in the former Russian Empire // *Review of Economics and Statistics*. – 2021. – Vol. 103, N 1. – P. 1–17. – DOI: 10.1162/rest_a_00857.

Calvi R., Hoehn-Velasco L., Mantovanelli F.G. The protestant legacy: Missions, gender, and human capital in India // *Journal of Human Resources*. – 2020. – DOI: 10.2139/ssrn.3354891.

Carrerri M. Can good politicians compensate for bad institutions? Evidence from an original survey of Italian mayors // *Journal of Politics*. – 2021. – Vol. 83, N 4. – P. 1229–1245. – DOI: 10.1086/715062.

Casey G., Klemp M. Historical instruments and contemporary endogenous regressors // *Journal of Development Economics*. – 2021. – Vol. 149. – DOI: 10.1016/j.jdeveco.2020.102586.

Charron N., Lapuente V. Why do some regions in Europe have a higher quality of government? // *Journal of Politics*. – 2013. – Vol. 75, N 3. – P. 567–582. – DOI: 10.1017/S0022381613000510.

Chlouba V., Smith, D.S., Wagner S. Early Statehood and Support for Autocratic Rule in Africa // *Comparative Political Studies*. – 2021. – DOI: 10.1177/00104140211036031.

Cioni M., Federico G., Vasta M. The two revolutions in economic history // *The Handbook of Historical Economics* /

Ed. by A. Bisin, G. Federico. – S. l.: Elsevier, 2021a. – P. 17–41.

Cioni M., Federico G., Vasta M. The state of the art of economic history: The uneasy relation with economics // NYU Abu Dhabi Working Paper. – 2021b. – N 20210067. – 60 p.

Clayton G., Gleditsch K.S. Will we see helping hands? Predicting civil war mediation and likely success // Conflict Management and Peace Science. – 2014. – Vol. 31, N 3. – P. 265–284. – DOI: 10.1177/0738894213508693.

Cranmer S.J., Desmarais, B.A. What can we learn from predictive modeling? // Political Analysis. – 2017. – Vol. 25, N 2. – P. 145–166. – DOI: 10.1017/pan.2017.3.

Darden K., Grzymala-Busse A. The great divide: Literacy, nationalism, and the communist collapse // World Politics. – 2006. – Vol. 59, N 1. – P. 83–115. – DOI: 10.1353/wp.2007.0015.

Doran C.F. Why forecasts fail: The limits and potential of forecasting in international relations and economics // International Studies Review. – 1999. – Vol. 1, N 2. – P. 11–41. – DOI: 10.1111/1521-9488.00154.

Gelman A. Causality and Statistical Learning // American Journal of Sociology. – 2011. – Vol. 117, N 3. – P. 955–966. – DOI: 10.1086/662659.

Gelman A., Imbens G. Why ask why? Forward causal inference and reverse causal questions // National Bureau of Economic Research Working Paper. – 2013. – N 19614. – 9 p. – DOI: 10.3386/w19614.

Gift T., Krcmaric D. Who democratizes? Western-educated leaders and regime transitions // Journal of Conflict Resolution. – 2017. – Vol. 61, N 3. – P. 671–701. – DOI: 10.1177/0022002715590878.

Gingerich D.W., Vogler J.P. Pandemics and political development: The electoral legacy of the Black Death in Germany // World Politics. – 2021. – Vol. 73, N 3. – P. 393–440. – DOI: 10.1017/S0043887121000034.

Göhlmann S., Vaubel R. The educational and occupational background of central bankers and its effect on inflation: An empirical analysis // European Economic Review. – 2007. – Vol. 51, N 4. – P. 925–941. – DOI: 10.1016/j.euroecorev.2006.05.001.

Greif A., Tadelis S. A theory of moral persistence: Crypto-morality and political legitimacy // Journal of Comparative Economics. – 2010. – Vol. 38, N 3. – P. 229–244. – DOI: 10.1016/j.jce.2010.07.005.

Grosfeld I., Zhuravskaya E. Cultural vs. economic legacies of empires: Evidence from the partition of Poland // Journal of Comparative Economics. – 2015. – Vol. 43, N 1. – P. 55–75. – DOI: 10.1016/j.jce.2014.11.004.

Grosjean P. The weight of history on European cultural integration: a gravity approach // American Economic Review. – 2011a. – Vol. 101, N 3. – P. 504–508. – DOI: 10.1257/aer.101.3.504.

Grosjean P. The institutional legacy of the Ottoman Empire: Islamic rule and financial development in South Eastern Europe // Journal of Comparative Economics. – 2011b. – Vol. 39, N 1. – P. 1–16. – DOI: 10.1016/j.jce.2010.05.003.

Hall P.A., Soskice D. Varieties of capitalism and institutional complementarities // Institutional conflicts and complementarities / Ed. by R. Franzese, P. Mooslechner, M. Schürz – Boston (MA) : Springer, 2003. – P. 43–76.

Hansen C.W., Jensen P.S., Skovsgaard C.V. Modern gender roles and agricultural history: the Neolithic inheritance // Journal of Economic Growth. – 2015. – Vol. 20, N 4. – P. 365–404. – DOI: 10.1007/s10887-015-9119-y.

Hariri J.G. The autocratic legacy of early statehood // American Political Science Review. – 2012. – Vol. 106, N 3. – P. 471–494. – DOI: 10.1017/S0003055412000238.

Hayo B., Neumeier F. Leaders' impact on public spending priorities: The case of the German Laender // Kyklos. – 2012. –

Vol. 65, N 4. – P. 480–511. – DOI: 10.1111/kykl.12003.

Hayo B., Neumeier F. Political leaders' socioeconomic background and fiscal performance in Germany // *European Journal of Political Economy*. – 2014. – Vol. 34, June. – P. 184–205. – DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2014.01.009.

Hayo B., Neumeier F. Political leaders' socioeconomic background and public budget deficits: Evidence from OECD countries // *Economics & Politics*. – 2016. – Vol. 28, N 1. – P. 55–78. – DOI: 10.1111/ecpo.12071.

Homola J., Pereira M.M., Tavits M. Legacies of the Third Reich: Concentration camps and out-group intolerance // *American Political Science Review*. – 2020. – Vol. 114, N 2. – P. 573–590. – DOI: 10.1017/S0003055419000832.

Horowitz M.C., Stam A.C. How prior military experience influences the future militarized behavior of leaders // *International Organization*. – 2014. – Vol. 68, N 3. – P. 527–559. – DOI: 10.1017/S0020818314000046.

Jones B.D., Epp D.A., Baumgartner F.R. Democracy, authoritarianism, and policy punctuations // *International Review of Public Policy*. – 2019. – Vol. 1, N 1. – P. 7–26. – DOI: 10.4000/irpp.318.

Jones B.F., Olken B.A. Do leaders matter? National leadership and growth since World War II // *Quarterly Journal of Economics*. – 2005. – Vol. 120, N 3. – P. 835–864. – DOI: 10.1093/qje/120.3.835.

Karaja E., Rubin J. The cultural transmission of trust norms: Evidence from a lab in the field on a natural experiment // *Mimeo*. – 2017. – 53 p. – DOI: 10.2139/ssrn.2954336.

Kelly M. The standard errors of persistence // *CEPR Discussion Paper*. – 2019. – N DP13783. – 47 p.

Lankina T.V., Libman A. The two-pronged middle class: The old bourgeoisie, new state-engineered middle class, and

democratic development // *American Political Science Review*. – 2021. – Vol. 115, N 3. – P. 948–966. – DOI: 10.1017/S000305542100023X.

Lankina T., Getachew L. Mission or Empire, Word or Sword? The Human Capital Legacy in Postcolonial Democratic Development // *American Journal of Political Science*. – 2012. – Vol. 56, N 2. – P. 465–483. – DOI: 10.1111/j.1540-5907.2011.00550.x.

Lankina T., Getachew L. Competitive religious entrepreneurs: Christian missionaries and female education in colonial and post-colonial India // *British Journal of Political Science*. – Vol. 43, N 1. – P. 103–131. – DOI: 10.1017/S0007123412000178.

Lewis G.J., Lefevre C.E., Bates T.C. Facial width-to-height ratio predicts achievement drive in US presidents // *Personality and Individual Differences*. – 2012. – Vol. 52, N 7. – P. 855–857. – DOI: 10.1016/j.paid.2011.12.030.

Mattingly D.C. Colonial legacies and state institutions in China: Evidence from a natural experiment // *Comparative Political Studies*. – 2017. – Vol. 50, N 4. – P. 434–463. – DOI: 10.1177/0010414015600465.

Mercier M. The return of the prodigy son: Do return migrants make better leaders? // *Journal of Development Economics*. – 2016. – Vol. 122, September. – P. 76–91. – DOI: 10.1016/j.jdeveco.2016.04.005.

Meriläinen J. Politician Quality, Fiscal Policy and Ideology. Unpublished Manuscript, ITAM. – 2020. – DOI: 10.2139/ssrn.3741701.

Michalopoulos S., Papaioannou E. Historical legacies and African development // *Journal of Economic Literature*. – 2020. – Vol. 58, N 1. – P. 53–128. – DOI: 10.1257/jel.20181447.

Minasyan A. US aid, US educated leaders and economic ideology // *European Journal of Political Economy*. – 2018. – Vol. 55, December. – P. 244–257. – DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2018.01.001.

Moessinger M.D. Do the personal characteristics of finance ministers affect changes in public debt? // *Public Choice*. – 2014. – Vol. 161, N 1. – P. 183–207. – DOI: 10.1007/s11127-013-0147-x.

Neundorff A., Pop-Eleches G. Dictators and their subjects: Authoritarian attitudinal effects and legacies // *Comparative Political Studies*. – 2020. – Vol. 53, N 12. – P. 1839–1860. – DOI: 10.1177/0010414020926203.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 336 p.

Oxford Handbook of Historical Institutionalism / Ed. by O. Fioretos, T.G. Falleti, A Sheingate. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 696 p.

Paine J. Ethnic violence in Africa: Destructive legacies of pre-colonial states // *International Organization*. – 2019. – Vol. 73, N 3. – P. 645–683. – DOI: 10.1017/S0020818319000134.

Peveri J. The wise, the politician and the strongman: National leaders' type and quality of governance // *AMSE Working Paper*. – 2021. – N 20. – 66 p.

Pop-Eleches G. Historical legacies and post-communist regime change // *Journal of Politics*. – 2007. – Vol. 69, N 4. – P. 908–926. – DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x.

Remington T.F. Sovietology and system stability // *Post-Soviet Affairs*. – 1992. – Vol. 8, N 3. – P. 239–269. – DOI: 10.1080/1060586X.1992.10641353.

Ruske R. Does Economics Make Politicians Corrupt? Empirical Evidence from the United States Congress // *Kyklos*. – 2015. – Vol. 68, N 2. – P. 240–254. – DOI: 10.1111/kykl.12082.

Rutland P. Sovietology: Notes for a post-mortem // *National Interest*. – 1993. – N 31. – P. 109–122.

Schneider G., Gleditsch N.P., Carey S. Forecasting in international relations:

One quest, three approaches // *Conflict Management and Peace Science*. – 2011. – Vol. 28, N 1. – P. 5–14. – DOI: 10.1177/0738894210388079.

Schultz A., Libman A. Is there a local knowledge advantage in federations? Evidence from a natural experiment // *Public Choice*. – 2015. – Vol. 162, N 1/2. – P. 25–42. – DOI: 10.1007/s11127-014-0187-x.

Seliktar O. Politics, paradigms, and intelligence failures: why so few predicted the collapse of the Soviet Union. – S. l. : ME Sharpe, 2004. – 296 p.

Sharafutdinova G., Steinbuks J. Governors matter: A comparative study of state–business relations in Russia's regions // *Economics of Transition*. – 2017. – Vol. 25, N 3. – P. 471–493. – DOI: 10.1111/ecot.12124.

Sibeon R. Agency, structure, and social chance as cross-disciplinary concepts // *Politics*. – 1999. – Vol. 19, N 3. – P. 139–144. – DOI: 10.1111/1467-9256.00097.

Simpser A., Slater D., Wittenberg J. Dead but not gone: Contemporary legacies of communism, imperialism, and authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. – 2018. – N 21. – P. 419–439. – DOI: 10.1146/ANNUREV-POLISCI-062615-020900.

Smith D.S., Gray T.R. Looking for leadership in historical context: An Extension of the RIFLE method of randomization inference // *Journal of Historical Political Economy*. – 2021. – Vol. 1, N 2. – P. 215–234. – DOI: 10.1561/115.00000010.

Spilimbergo A. Democracy and foreign education // *American Economic Review*. – 2009. – Vol. 99, N 1. – P. 528–543. – DOI: 10.1257/aer.99.1.528.

Stadelmann D., Portmann M., Eichenberger R. Military careers of politicians matter for national security policy // *Journal of Economic Behavior & Organization*. – 2015. – Vol. 116, August. – P. 142–156. – DOI: 10.1016/j.jebo.2015.04.001.

Tabellini G. Culture and institutions: economic development in the regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. – 2010. – Vol. 8, N 4. – P. 677–716. – DOI: 10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x.

The deep imprint of Roman sandals: Evidence of long-lasting effects of Roman rule on personality, economic performance, and well-being in Germany / M. Fritsch, M. Obschonka, F. Wahl, M. Wyrwich. // *Hohenheim Discussion Paper in Business, Economics and Social Sciences*. – 2020. – N 05-2020. – 55 p.

The empire is dead, long live the empire! Long-run persistence of trust and corruption in the bureaucracy / S.O. Becker, K. Boeckh, C. Hainz, L. Woessmann // *Economic Journal*. – 2016. – Vol. 126, issue 590. – P. 40–74. – DOI: 10.1111/econj.12220.

The impact of political leaders' profession and education on reforms / A. Dreher, M.J. Lamla, S.M. Lein, F. Somogyi // *Journal of Comparative Economics*. – 2009. – Vol. 37, N 1. – P. 169–193. – DOI: 10.1016/j.jce.2008.08.005.

The Long Economic and Political Shadow of History. Volumes 1-3 / Ed. by S. Michalopoulos, E. Papaioannou. – S. l. : CEPR Press, 2017.

The value of precision in probability assessment: Evidence from a large-scale geopolitical forecasting tournament / J.A. Friedman, J.D. Baker, B.A. Mellers, P.E. Tetlock, R. Zeckhauser // *International Studies Quarterly*. – 2018. – Vol. 62, N 2. – P. 410–422. – DOI: 10.1093/isq/sqx078.

Treisman D. Democracy by mistake: How the errors of autocrats trigger transitions to freer government // *American Political Science Review*. – 2020. – Vol. 114, N 3. – P. 792–810. – DOI: 10.1017/S0003055420000180.

Uberti L.J. Corruption in transition economies: Socialist, Ottoman or structural? // *Economic Systems*. – 2018. – Vol. 42, N 4. – P. 533–555. – DOI: 10.1016/j.ecosys.2018.05.001.

Verhagen M.D. A pragmatist's guide to prediction in the social sciences // *SocArXiv Working Paper*. – 2021. – DOI: 10.31219/osf.io/tjkcy.

Voigtländer N., Voth H.J. Persecution perpetuated: the medieval origins of anti-Semitic violence in Nazi Germany // *Quarterly Journal of Economics*. – 2012. – Vol. 127, N 3. – P. 1339–1392. – DOI: 10.1093/qje/qjs019.

Voth H.J. Persistence—myth and mystery // *The Handbook of Historical Economics* / Ed. by A. Bisin, G. Federico. – S. l. : Elsevier, 2021. – P. 243–269.

Vu T.V. Are genetic traits associated with riots? The political legacy of prehistorically determined genetic diversity // *Kyklos*. – 2021. – DOI: 10.1111/KYKL.12276.

Wahl F. Does European development have roman roots? Evidence from the German Limes // *Journal of Economic Growth*. – 2017. – Vol. 22, N 3. – P. 313–349. – DOI: 10.1007/s10887-017-9144-0.

Walker S. Historical legacies in savings: Evidence from Romania // *Journal of Comparative Economics*. – 2020. – Vol. 48, N 1. – P. 76–99. – DOI: 10.1016/j.jce.2019.11.003.

Wilfahrt M. Precolonial legacies and institutional congruence in public goods delivery: Evidence from decentralized West Africa // *World Politics*. – 2018. – Vol. 70, N 2. – P. 239–274. – DOI: 10.1017/S0043887117000363.

Wittenberg J. Conceptualizing historical legacies // *East European Politics and Societies*. – Vol. 29, N 2. – P. 366–378. – DOI: 10.1177/0888325415577864.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-1

On the Methodology of Studying Long-Term World Development: The Shadow of the Past or the Role of Individuals?

Alexander Libman

Dr. Sc. (Economics), PhD (Economics), Professor of Russian and East European Politics
Freie Universität Berlin

Garyastraße 55, 14195 Berlin, Germany

E-mail: alexander.libman@fu-berlin.de

ORCID: 0000-0001-8504-3007

CITATION: Libman A.M. (2022). On the Methodology of Studying Long-Term World Development: The Shadow of the Past or the Role of Individuals? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 1, pp. 6–28 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-1

Received: 11.10.2021.

Revised: 05.11.2021.

ABSTRACT. Contemporary social sciences typically refrain from long-term forecasts and attempts at constructing “grand theories” of global dynamics – researches focus instead on specific (and rather narrow) empirical research questions. In some cases, however, these narrow studies could implicitly become foundations for generalized statements concerning the world development. This paper reviews two avenues of research of this type that are rapidly developing in the last decade – persistence studies (arguing that historical factors have an impact on contemporary political, economic and social development even in spite of apparent historical discontinuities) and studies of personal characteristics of politicians and bureaucrats (arguing that biographies of decision-makers can influence political development to the same extent as structural characteristics of the society). The conclusions of these approaches contradict each other but their research logic is built upon similar assumptions. Both ap-

proaches use quantitative methods; the choice of cases for research is driven to a large extent by the data availability; in both cases theoretical foundations of research are rather weak; in both cases the multitude of articles reflects not only the potential of the research approaches but also the problems of the incentives in the scientific community. This paper reviews the main conclusions, advantages and disadvantages of both approaches and discusses their potential for studying long-term development perspectives.

KEYWORDS: persistence studies, studies of personal characteristics of politicians, forecasting, long-term development.

References

Abad L.A., Maurer N. (2021). History never really says goodbye: A critical review of the persistence literature. *Journal of His-*

torical Political Economy, vol. 1, no. 1, pp. 31–68. DOI: 10.1561/115.00000002.

Acemoglu D., Robinson J. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty*, New York: Crown Business.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2002). Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 117, no. 4, pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025.

Alesina A., Giuliano P., Nunn N. (2011). Fertility and the plough. *American Economic Review*, vol. 101, no. 3, pp. 499–503. DOI: 10.1257/aer.101.3.499.

Alesina A., Giuliano P., Nunn N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 128, no. 2, pp. 469–530. DOI: 10.1093/qje/qjt005.

Arana Araya I. (2021). The personalities of presidents as independent variables. *Political Psychology*, vol. 42, no. 4, pp. 695–712. DOI: 10.1111/pops.12722.

Art D. (2016). Archivists and adventurers: Research strategies for authoritarian regimes of the past and present. *Social Science Quarterly*, vol. 97, no. 4, pp. 974–990. DOI: 10.1111/ssqu.12348.

Ashraf Q., Galor O. (2013). The 'Out of Africa' hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development. *American Economic Review*, vol. 103, no. 1, pp. 1–46. DOI: 10.1257/aer.103.1.1.

Austin G. (2008). The 'reversal of fortune' thesis and the compression of history: perspectives from African and comparative economic history. *Journal of International Development*, vol. 20, no. 8, pp. 996–1027. DOI: 10.1002/jid.1510.

Barceló J. (2020). Are Western-educated leaders less prone to initiate militarized disputes? *British Journal of Political Science*, vol. 50, no. 2, pp. 535–566. DOI: 10.1017/S0007123417000527.

Barros R. (2016). On the outside looking in: Secrecy and the study of author-

itarian regimes. *Social Science Quarterly*, vol. 97, no. 4, pp. 953–973. DOI: 10.1111/ssqu.12350.

Barsanetti B. (2021). Cities on pre-Columbian paths. *Journal of Urban Economics*, vol. 122, March. DOI: 10.1016/j.jue.2020.103317.

Berry C.R., Fowler A. (2021). Leadership or luck? Randomization inference for leader effects in politics, business, and sports. *Science Advances*, vol. 7, no. 4, pp. eabe3404. DOI: 10.1126/sciadv.abe3404.

Besley T., Montalvo J.G., Reynal-Querol M. (2011). Do educated leaders matter? *Economic Journal*, vol. 121, issue. 554, pp. 205–227. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2011.02448.x.

Bisin A., Moro A. (2021). LATE for History. In: *The Handbook of Historical Economics*, Bisin A., Federico G. (eds.), Elsevier. P. 269–297.

Bisin A., Verdier T. (2001). The economics of cultural transmission and the dynamics of preferences. *Journal of Economic Theory*, vol. 97, no. 2, pp. 298–319. DOI: 10.1006/jeth.2000.2678.

Blyth M. (2009). Coping with the black swan: The unsettling world of Nassim Taleb. *Critical Review*, vol. 21, no. 4, pp. 447–465. DOI: 10.1080/08913810903441385.

Buggle J.C., Nafziger S. (2021). The slow road from serfdom: labor coercion and long-run development in the former Russian Empire. *Review of Economics and Statistics*, vol. 103, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1162/rest_a_00857.

Calvi R., Hoehn-Velasco L., Mantovanelli F.G. (2020). The protestant legacy: Missions, gender, and human capital in India. *Journal of Human Resources*. DOI: 10.2139/ssrn.3354891.

Carreri M. (2021). Can good politicians compensate for bad institutions? Evidence from an original survey of Italian mayors. *Journal of Politics*, vol. 83, no. 4, pp. 1229–1245. DOI: 10.1086/715062.

Casey G., Klemp M. (2021). Historical instruments and contemporary endoge-

nous regressors. *Journal of Development Economics*, vol. 149. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2020.102586.

Charron N., Lapuente V. (2013). Why do some regions in Europe have a higher quality of government? *Journal of Politics*, vol. 75, no. 3, pp. 567–582. DOI: 10.1017/S0022381613000510.

Chlouba V., Smith D.S., Wagner S. (2021). Early Statehood and Support for Autocratic Rule in Africa. *Comparative Political Studies*, <https://doi.org/10.1177/00104140211036031>.

Cioni M., Federico G., Vasta M. (2021a). The two revolutions in economic history. *The Handbook of Historical Economics*, Elsevier. Pp. 17–41.

Cioni M., Federico G., Vasta M. (2021b). *The state of the art of economic history: The uneasy relation with economics*, NYU Abu Dhabi Working Paper, no. 20210067, 60 pp.

Clayton G., Gleditsch K.S. (2014). Will we see helping hands? Predicting civil war mediation and likely success. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 31, no. 3, pp. 265–284. DOI: 10.1177/0738894213508693.

Cranmer S.J., Desmarais B.A. (2017). What can we learn from predictive modeling? *Political Analysis*, vol. 25, no. 2, pp. 145–166. DOI: 10.1017/pan.2017.3.

Darden K., Grzymala-Busse A. (2006). The great divide: Literacy, nationalism, and the communist collapse. *World Politics*, vol. 59, no. 1, pp. 83–115. DOI: 10.1353/wp.2007.0015.

Doran C.F. (1999). Why forecasts fail: The limits and potential of forecasting in international relations and economics. *International Studies Review*, vol. 1, no. 2, pp. 11–41. DOI: 10.1111/1521-9488.00154.

Gelman A. (2011). Causality and Statistical Learning. *American Journal of Sociology*, vol. 117, no. 3, pp. 955–966. DOI: 10.1086/662659.

Gelman A., Imbens G. (2013). *Why ask why? Forward causal inference and reverse causal questions*. National Bureau

of Economic Research Working Paper, no. 19614. DOI: 10.3386/w19614.

Gift T., Krcmaric D. (2017). Who democratizes? Western-educated leaders and regime transitions. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 3, pp. 671–701. DOI: 10.1177/0022002715590878.

Gingerich D.W., Vogler J.P. (2021). Pandemics and political development: The electoral legacy of the Black Death in Germany. *World Politics*, vol. 73, no. 3, pp. 393–440. DOI: 10.1017/S0043887121000034.

Göhlmann S., Vaubel R. (2007). The educational and occupational background of central bankers and its effect on inflation: An empirical analysis. *European Economic Review*, vol. 51, no. 4, pp. 925–941. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2006.05.001.

Greif A., Tadelis S. (2010). A theory of moral persistence: Crypto-morality and political legitimacy. *Journal of Comparative Economics*, vol. 38, no. 3, pp. 229–244. DOI: 10.1016/j.jce.2010.07.005.

Grosfeld I., Zhuravskaya E. (2015). Cultural vs. economic legacies of empires: Evidence from the partition of Poland. *Journal of Comparative Economics*, vol. 43, no. 1, pp. 55–75. DOI: 10.1016/j.jce.2014.11.004.

Grosjean P. (2011a). The weight of history on European cultural integration: a gravity approach. *American Economic Review*, vol. 101, no. 3, pp. 504–508. DOI: 10.1257/aer.101.3.504.

Grosjean P. (2011b). The institutional legacy of the Ottoman Empire: Islamic rule and financial development in South Eastern Europe. *Journal of Comparative Economics*, vol. 39, no. 1, pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.jce.2010.05.003.

Hall P.A., Soskice D. (2003). Varieties of capitalism and institutional complementarities. *Institutional conflicts and complementarities*, Springer. P. 43–76.

Hansen C.W., Jensen P.S., Skovsgaard C.V. (2015). Modern gender roles and agricultural history: the Neolithic inheritance. *Journal of*

Economic Growth, vol. 20, no. 4, pp. 365–404. DOI: 10.1007/s10887-015-9119-y.

Hariri J.G. (2012). The autocratic legacy of early statehood. *American Political Science Review*, vol. 106, no. 3, pp. 471–494. DOI: 10.1017/S0003055412000238.

Hayo B., Neumeier F. (2012). Leaders' impact on public spending priorities: The case of the German Laender. *Kyklos*, vol. 65, no. 4, pp. 480–511. DOI: 10.1111/kykl.12003.

Hayo B., Neumeier F. (2014). Political leaders' socioeconomic background and fiscal performance in Germany. *European Journal of Political Economy*, vol. 34, pp. 184–205. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2014.01.009.

Hayo B., Neumeier F. (2016). Political leaders' socioeconomic background and public budget deficits: Evidence from OECD countries. *Economics & Politics*, vol. 28, no. 1, pp. 55–78. DOI: 10.1111/ecpo.12071.

Homola J., Pereira M.M., Tavits M. (2020). Legacies of the Third Reich: Concentration camps and out-group intolerance. *American Political Science Review*, vol. 114, no. 2, pp. 573–590. DOI: 10.1017/S0003055419000832.

Horowitz M.C., Stam A.C. (2014). How prior military experience influences the future militarized behavior of leaders. *International Organization*, vol. 68, no. 3, pp. 527–559. DOI: 10.1017/S0020818314000046.

Jones B.D., Epp D.A., Baumgartner F.R. (2019). Democracy, authoritarianism, and policy punctuations. *International Review of Public Policy*, vol. 1, no. 1, pp. 7–26. DOI: 10.4000/irpp.318.

Jones B.F., Olken B.A. (2005). Do leaders matter? National leadership and growth since World War II. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 120, no. 3, pp. 835–864. DOI: 10.1093/qje/120.3.835.

Karaja E., Rubin J. (2017). *The cultural transmission of trust norms: Evidence from a lab in the field on a natural*

experiment, Mimeo, 53 pp. DOI: 10.2139/ssrn.2954336.

Kelly M. (2019). The standard errors of persistence. *CEPR Discussion Paper*, no. DP13783, 47 pp.

Lankina T.V., Libman A. (2021). The two-pronged middle class: The old bourgeoisie, new state-engineered middle class, and democratic development. *American Political Science Review*, vol. 115, no. 3, pp. 948–966. DOI: 10.1017/S000305542100023X.

Lankina T., Getachew L. (2012). Mission or Empire, Word or Sword? The Human Capital Legacy in Postcolonial Democratic Development. *American Journal of Political Science*, vol. 56, no. 2, pp. 465–483. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2011.00550.x.

Lankina T., Getachew L. (2013). Competitive religious entrepreneurs: Christian missionaries and female education in colonial and post-colonial India. *British Journal of Political Science*, vol. 43, no. 1, pp. 103–131. DOI: 10.1017/S0007123412000178.

Lewis G.J., Lefevre C.E., Bates T.C. (2012). Facial width-to-height ratio predicts achievement drive in US presidents. *Personality and Individual Differences*, vol. 52, no. 7, pp. 855–857. DOI: 10.1016/j.paid.2011.12.030.

Mattingly D.C. (2017). Colonial legacies and state institutions in China: Evidence from a natural experiment. *Comparative Political Studies*, vol. 50, no 4, pp. 434–463. DOI: 10.1177/0010414015600465.

Mercier M. (2016). The return of the prodigy son: Do return migrants make better leaders? *Journal of Development Economics*, vol. 122, pp. 76–91. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2016.04.005.

Meriläinen J. (2020). *Politician Quality, Fiscal Policy and Ideology*, Mimeo. DOI: 10.2139/ssrn.3741701.

Michalopoulos S., Papaioannou E. (2020). Historical legacies and African development. *Journal of Economic Literature*, vol. 58, no. 1, pp. 53–128. DOI: 10.1257/jel.20181447.

Minasyan A. (2018). US aid, US educated leaders and economic ideology. *European Journal of Political Economy*, vol. 55, pp. 244–257. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2018.01.001.

Moessinger M.D. (2014). Do the personal characteristics of finance ministers affect changes in public debt? *Public Choice*, vol. 161, no. 1, pp. 183–207. DOI: 10.1007/s11127-013-0147-x.

Neundorff A., Pop-Eleches G. (2020) Dictators and their subjects: Authoritarian attitudinal effects and legacies. *Comparative Political Studies*, vol. 53, no. 12, pp. 1839–1860. DOI: 10.1177/0010414020926203.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*, Cambridge University Press.

Nureev R., Latov Yu. (2006). What is path dependence and how do Russian economists study it? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no. 2, pp. 118–130 (in Russian).

Oxford... (2016). Fioretos O., Falletti T.G., Sheingate A. (eds.). *Oxford Handbook of Historical Institutionalism*, Oxford University Press.

Paine J. (2019). Ethnic violence in Africa: Destructive legacies of pre-colonial states. *International Organization*, vol. 73, no. 3, pp. 645–683. DOI: 10.1017/S0020818319000134.

Peveri J. (2021). *The wise, the politician and the strongman: National leaders' type and quality of governance*, AMSE Working Paper no. 20.

Pop-Eleches G. (2007). Historical legacies and post-communist regime change. *Journal of Politics*, vol. 69, no. 4, pp. 908–926. DOI: 10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x.

Remington T.F. (1992). Sovietology and system stability. *Post-Soviet Affairs*, vol. 8, no. 3, pp. 239–269. DOI: 10.1080/1060586X.1992.10641353.

Ruske R. (2015). Does Economics Make Politicians Corrupt? Empirical Evidence from the United States Congress. *Kyklos*, vol. 68, no. 2, pp. 240–254. DOI: 10.1111/kykl.12082.

Rutland P. (1993). Sovietology: Notes for a post-mortem. *National Interest*, vol. 31, pp. 109–122.

Schneider G., Gleditsch N.P., Carey S. (2011). Forecasting in international relations: One quest, three approaches. *Conflict Management and Peace Science*, vol. 28, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.1177/0738894210388079.

Schultz A., Libman A. (2015). Is there a local knowledge advantage in federations? Evidence from a natural experiment. *Public Choice*, vol. 162, no. 1–2, pp. 25–42. DOI: 10.1007/s11127-014-0187-x.

Seliktar O. (2004). *Politics, paradigms, and intelligence failures: why so few predicted the collapse of the Soviet Union*, ME Sharpe.

Sharafutdinova G., Steinbuks J. (2017). Governors matter: A comparative study of state–business relations in Russia's regions. *Economics of Transition*, vol. 25, no. 3, pp. 471–493. DOI: 10.1111/ecot.12124.

Sibeon R. (1999). Agency, structure, and social chance as cross-disciplinary concepts. *Politics*, vol. 19, no. 3, pp. 139–144. DOI: 10.1111/1467-9256.00097.

Simpser A., Slater D., Wittenberg J. (2018). Dead but not gone: Contemporary legacies of communism, imperialism, and authoritarianism. *Annual Review of Political Science*, vol. 21, pp. 419–439. DOI: 10.1146/ANNUREV-POLISCI-062615-020900.

Smith D.S., Gray T.R. (2021). Looking for leadership in historical context: An Extension of the RIFLE method of randomization inference. *Journal of Historical Political Economy*, vol. 1, no. 2, pp. 215–234. DOI: 10.1561/115.00000010.

Spilimbergo A. (2009). Democracy and foreign education. *American Economic Re-*

view, vol. 99, no. 1, pp. 528–543. DOI: 10.1257/aer.99.1.528.

Stadelmann D., Portmann M., Eichenberger R. (2015). Military careers of politicians matter for national security policy. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 116, pp. 142–156. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.04.001.

Tabellini G. (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, vol. 8, no. 4, pp. 677–716. DOI: 10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x.

The deep imprint... (2020). Fritsch M. et al. *The deep imprint of Roman sandals: Evidence of long-lasting effects of Roman rule on personality, economic performance, and well-being in Germany*. Hohenheim Discussion Paper in Business, Economics and Social Sciences, no. 05–2020.

The empire... (2016). Becker S.O. et al. The empire is dead, long live the empire! Long-run persistence of trust and corruption in the bureaucracy. *Economic Journal*, no. 590(126), pp. 40–74. DOI: 10.1111/econj.12220.

The impact... (2009). Dreher A. et al. The impact of political leaders' profession and education on reforms. *Journal of Comparative Economics*, vol. 37, no. 1, pp. 169–193. DOI: 10.1111/econj.12220.

The long economic... (2017). Michalopoulos S., Papaioannou E. (eds.). *The Long Economic and Political Shadow of History*, vol. 1–3, CEPR Press.

The value... (2018). Friedman J.A. et al. The value of precision in probability assessment: Evidence from a large-scale geopolitical forecasting tournament. *International Studies Quarterly*, vol. 62, no. 2, pp. 410–422. DOI: 10.1093/isq/sqx078.

Treisman D. (2020). Democracy by mistake: How the errors of autocrats

trigger transitions to freer government. *American Political Science Review*, vol. 114, no. 3, pp. 792–810. DOI: 10.1017/S0003055420000180.

Uberti L.J. (2018). Corruption in transition economies: Socialist, Ottoman or structural? *Economic Systems*, vol. 42, no. 4, pp. 533–555. DOI: 10.1016/j.ecosys.2018.05.001.

Verhagen M.D. (2021). *A pragmatist's guide to using prediction in the social sciences*, SocArXiv Working Paper. DOI: 10.31219/osf.io/tjky.

Voigtländer N., Voth H.J. (2012). Persecution perpetuated: the medieval origins of anti-Semitic violence in Nazi Germany. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 127, no. 3, pp. 1339–1392. DOI: 10.1093/qje/qjs019.

Voth H.J. (2021) Persistence—myth and mystery. *The Handbook of Historical Economics*, Elsevier. Pp. 243–269.

Vu T.V. (2021) Are genetic traits associated with riots? The political legacy of prehistorically determined genetic diversity, *Kyklos*, forthcoming, DOI: 10.1111/KYKL.12276.

Wahl F. (2017). Does European development have roman roots? Evidence from the German Limes. *Journal of Economic Growth*, vol. 22, no. 3, pp. 313–349. DOI: 10.1007/s10887-017-9144-0.

Walker S. (2020). Historical legacies in savings: Evidence from Romania. *Journal of Comparative Economics*, vol. 48, no. 1, pp. 76–99. DOI: 10.1016/j.jce.2019.11.003.

Wilfahrt M. (2018). Precolonial legacies and institutional congruence in public goods delivery: Evidence from decentralized West Africa. *World Politics*, vol. 70, no. 2, pp. 239–274. DOI: 10.1017/S0043887117000363.

Wittenberg J. (2015). Conceptualizing historical legacies. *East European Politics and Societies*, vol. 29, no. 2, pp. 366–378. DOI: 10.1177/0888325415577864.